

Ли Яо пришлось сдать саблю. Тридцать гвардейцев Дворцового департамента евнухов, что пришли с ним, тоже остались за оградой укрепления. Внутри его пропустили лишь в сопровождении Цзинпина и двоих личных телохранителей.

Вождь племени Хуха, Даньмуцзи, хоть и побаивался Ли Яо, держа ухо востро, всё же долгие годы имел дело с империей Цзинь и успел перенять её церемонный уклад. К тому же сейчас гость явился на его собственную землю, а значит, следовало показать класс и не ударить в грязь лицом.

Объявив, что Ли Яо — желанный гость, он созвал нескольких советников и военачальников, велел спешно накрыть столы, выставить вино и пригласил прибывшего занять почётное место.

Однако Ли Яо лишь застыл посреди шатра неприступной глыбой. Заведя руки за спину, он добродушно усмехнулся:

— К чему эти хлопоты? Тебе тошно на меня смотреть, мне от твоей рожи тоже не по себе. Давай-ка покончим с делами по-быстрому, разойдёмся подобиру-поздорову, и обоим дышать легче станет.

От такой прямоты вождь так и застыл с открытым ртом.

Даньмуцзи аж зубами закрипел от злости. Его и без того сморщенная, как печёное яблоко, физиономия дёрнулась, и он с трудом выдавил подобие улыбки:

— Канцлер Ли...

— Полно тебе, я уж сто лет как не канцлер, — Ли Яо пренебрежительно махнул рукой. — Но твоими молитвами моей вольной жизни, похоже, пришёл конец. На днях вот пожаловали должность инспектора по охране границ.

Даньмуцзи, всё ещё лелеявший надежду прощупать границы Цзинь на прочность, классических трактатов по военной стратегии не читал, но твёрдо усвоил одно правило: знай своего врага. А потому он отлично помнил, что у пограничного инспектора нет реальной военной власти.

Облегчённо выдохнув, вождь нацепил на безобразное лицо лицемерную маску и подобострастно закивал:

— Ну, значит, скорое восхождение по службе вам обеспечено.

Ли Яо лишь презрительно скривился. В его взгляде без слов читалось: «Кончай молоть чушь». Не желая терять время на пустую болтовню, он спросил в лоб:

— С чего это великий вождь решил силой удерживать у себя моего учителя?

Стоявший подле вождя советник, который только и ждал момента вставить слово, тут же выступил вперёд и с поклоном заговорил:

— Господин Чжэн человек почтенных лет, видать, здешний климат Чуаньлина пришёлся ему не по нраву. На приветственном пиру в нашем укреплении ему внезапно не поздоровилось. Мы побоялись, что обратный путь в таком состоянии окончательно подкосит его силы, потому и уговорили остаться. — Он махнул стражникам, велая привести пленника. — Лекари наши, хоть искусством и уступают цзиньским, трудились не смыкая глаз несколько дней подряд, и только недавно состояние уважаемого старца немного выровнялось.

Вскоре двое воинов Хуха внесли носилки, на которых лежал Чжэн Чжэн.

При виде учителя с лица Ли Яо мгновенно сошла всякая весёлость.

В тускло освещённом шатре чадили факелы. В их багровых отсветах глаза Ли Яо казались непроглядно тёмными, и в глубине их блеснула опасная стужа.

Он метнулся к носилкам. Старик лежал, приоткрыв веки, а на его виске красовалась рваная рана, грубо замазанная какими-то травами. Зелёная жижа вперемешку с сукровицей насквозь пропитала грязно-бурую повязку.

Чжэн Чжэн давно разменял восьмой десяток. Этот старик обладал блестящим умом и глубочайшими знаниями, в своё время занимал почётные посты младшего наставника наследного принца и помощника военного министра. Но был у него один изъян — несносный, колючий нрав, который с годами становился лишь хуже, перерастая в абсолютное упрямство.

В молодости он то и дело перечил покойному государю, а позже, пользуясь статусом учителя нынешнего императора, и вовсе перестал стесняться в выражениях перед Его Величеством. В конце концов терпение монарха лопнуло, и бузотёра спровадили с глаз долой под благовидным предлогом инспекции: «Раз уж вы у нас человек такой кристальной честности, поезжайте-ка на окраины империи. Проверьте, не погрязли ли местные чинуши в мздоимстве, да приглядите за дикарями у границ».

Недавно в войсках вспыхнула эпидемия. Старик ни с того ни с сего вызвался самолично разузнать, не замышляет ли племя Хуха чего недоброго под шумок. Да так и сгинул в чужих землях.

Ли Яо бережно сжал сухую ладонь старика и негромко позвал:

— Учитель! Господин Чжэн!

Чжэн Чжэн ещё не окончательно впал в забытие. Уловив знакомые интонации, он с трудом разлепил веки. Перед ним смутно вырисовывался силуэт его любимого ученика, пропавшего без вести много лет назад. Но, приглядевшись, старик обомлел: откуда у этого мальчишки седина на висках?

«Сон это или я уже помер?.. — в смятении подумал старик. — Неужто мы встретились в преисподней?»

Заметив, как блуждает его взгляд, Ли Яо понял, что старик пришёл в себя. Он заговорил мягче:

— Учитель, придите в себя. Это я, Яньчу. Я пришёл, чтобы забрать вас домой.

Чжэн Чжэн беззвучно зашевелил губами, его недоверие постепенно растаяло. Он судорожно вздохнул и едва слышно прошептал:

— Яньчу... Это правда ты, Яньчу... Хорошо-то как, хорошо... — Затем его голос сорвался на невнятный хрип.

Ли Яо коснулся его лба — кожа горела, словно раскалённый уголь. При таком сильном жаре удивительно, что он вообще оставался в сознании.

Цзинпин бесшумно шагнул вперёд и вполголоса произнёс:

— Гранд-дядя-наставник, позвольте мне осмотреть его.

Ли Яо мысленно похвалил себя за то, что взял парня с собой — лучшего лекаря сейчас было не сыскать.

Освободив место для Цзинпина, Ли Яо медленно поднялся во весь рост и ледяным взглядом впился в Даньмуцзи.

Под этим взглядом у вождя подкосились ноги, словно ему в грудь вонзили кинжал. Он открыл было рот, но советник вовремя придержал его за рукав.

— Господин Ли, не сердчайте на нашего правителя, — елеиным голосом запел советник. — Почтенный старец занемог от малокровия, голова у него закружилась, вот он и упал, расшиб висок. А от этого и жар начался. Как только рана затянется, болезнь отступит. Вам обоим лучше погостить у нас, пока старец не окрепнет для обратной дороги.

Чушь собачья.

Ли Яо даже не повернул головы в его сторону.

Цзинпин тем временем осторожно снял пропитанную гноем ткань с раны Чжэн Чжэна и обратился к советнику:

— И где же, говорите, упал господин Чжэн?

Тот небрежно указал пальцем на порог шатра:

— Старец совсем ослаб. Оступился у самого входа и ударился лбом о землю.

Цзинпин достал платок, неторопливо вытер испачканные пальцы, после чего подошёл ближе к Ли Яо и, слегка склонившись, зашептал ему на ухо:

— Если бы он действительно упал на ровном месте, у него на лице остались бы ссадины и царапины. А здесь — глубокий точечный удар в висок. Старика умышленно приложили обо что-то острое, либо он сам расшиб лоб. Решайте, дядюшка-наставник, выводить ли этих мерзавцев на чистую воду прямо сейчас.

Они переговаривались вполголоса, совершенно не заботясь о том, что стоят посреди вражеского лагеря. Местных вельмож и генералов они ни в грош не ставили, словно те были бездушными истуканами.

Выслушав доклад, Ли Яо опустил веки. Картина случившегося мгновенно прояснилась в его голове. Наверняка эти люди Хуха вели себя по-хамски, а упрямый старик, верный своему девизу «лучше погибнуть, чем прогнуться», в порыве благородной ярости просто размозжил себе голову о стену.

Видя, что Ли Яо молчит, уподобившись каменному изваянию, Цзинпин добавил:

— Я могу привести его в чувство прямо сейчас, чтобы он сам высказал им всё в лицо. Но это сильно истощит его и без того угасающие силы...

— Не стоит, — Ли Яо вскинул голову и ободряюще похлопал юношу по плечу. — Ты отлично справился. Молодец.

При этом он даже не взглянул на Цзинпина — его ледяной взор медленно скользил по присутствующим, пока не остановился на двоих личных гвардейцах, что вошли вместе с ним. Их лица скрывали тяжёлые боевые маски, оставляя на виду лишь тёмные, сосредоточенные глаза.

Цзинпин не сводил глаз с Ли Яо. Ему ещё никогда не приходилось видеть дядюшку-наставника столь суровым. Даже когда несколько лет назад тот вырывал его из когтей Иншу, на его лице блуждала легкомысленная ухмылка, а в глазах плясали смешинки. Да что там — даже минуту назад, переступая порог этого шатра, он умудрялся издевательски скалиться, доводя хозяев до белого каления.

Сейчас же на его лице не осталось и тени прежнего шутовства. Оно дышало абсолютным, пугающим спокойствием.

Цзинпин затаил дыхание. Он понял: Ли Яо в ярости.

За два года странствий юноше довелось повидать немало: он сталкивался и с головорезами из глухих разбойничьих гнёзд, которым нечего было терять, и с матёрыми бойцами Поднебесной, привыкшими купаться в чужой крови. Но ничто из этого не могло сравниться с тем сокрушительным, давящим безмолвием, которое исходило от Ли Яо.

В этой безмятежности сквозила запредельная, жестокая сила. Ещё очень долго Цзинпин не сможет разгадать природу этого ледящего душу магнетизма, заставлявшего всё его существо трепетать от благоговейного страха.

Лишь годы спустя, пройдя сквозь огонь и воду бок о бок с ним, он осознает: ярость Ли Яо не имела ничего общего с банальной жаждой крови, заставляющей крушить всё на своём пути. То была грозная, расчётливая воля человека, способного одним лишь жестом перевернуть весь мир вверх дном, сохраняя при этом ледяное хладнокровие.

Дядюшка-наставник стоял посреди вражеского логова в одиночку, но казалось, будто за его плечами выстроилась непобедимая многотысячная армия.

В качестве союзника на него можно было положиться как на каменную стену, но упаси бог оказаться у него на пути.

Советник, не дождавшись ответа, воровато зыркнул на своего господина и вновь расплылся в слащавой улыбке:

— Не скрою, мы медлили с отъездом господина Чжэна исключительно из заботы о его драгоценном здоровье — мало ли что могло приключиться в дороге... Что же касается его свиты, то все полтора десятка сопровождающих устроены со всеми удобствами в усадьбе за лагерем. Их потчуют лучшими яствами и почитают как самых дорогих гостей. Раз уж господин инспектор лично прибыл за ними, наши души наконец спокойны.

Выслушав эту витиеватую тираду до конца, Ли Яо снисходительно усмехнулся:

— Силён заливать. С таким подвешенным языком неудивительно, что вождь держит тебя при себе.

Голос его так и сочился презрением. Советник уже лихорадочно придумывал, как бы покрасивее замять дело и запутать цзиньского посланника ещё сильнее, как вдруг силуэт Ли Яо перед его глазами смазался. Тот словно растворился в воздухе.

В ту же секунду по шатру разнёсся чистый, звенящий скрежет вынимаемого из ножен клинка.

Хитрый советник инстинктивно вжал голову в плечи. Когда же он осмелился открыть глаза, то обомлел: Ли Яо держал в руках стальной палаш, выхваченный у одного из стоявших неподалёку стражников.

Прежде чем кто-либо успел хотя бы охнуть, сверкающая полоса стали уже плотно прилегла к горлу вождя племени Хуха!

Шатёр мгновенно наполнился лязгом оружия и яростными выкриками. Военачальники и телохранители Хуха разом выхватили мечи, кольцом окружив Ли Яо. Раздались запоздалые угрозы: «А ну отпусти вождя!», «Смерти ищешь, цзиньская собака!». Однако нападать никто не спешил — все понимали, чем грозит малейшая оплошность.

Пользуясь суматохой, советник незаметно скосил глаза в сторону выхода и подал знак стоявшему у дверей воину. Тот едва заметно кивнул и скользнул к выходу.

Но не успел он сделать и шага, как в тишине сухо щёлкнула тетива.

Воин застыл на месте, словно натолкнувшись на невидимую стену. Короткая стрела вонзилась ему точно между лопаток. Он тяжело рухнул на колени, ткнулся лицом в земляной пол и завалился на бок, затихая.

Всё произошло в долю секунды.

Когда несчастный испустил дух, присутствующие наконец разглядели торчащее из его груди остриё. Болт вошёл со спины и пробил тело насквозь. Если бы не зазубрины у основания наконечника, застрявшие в плоти, тяжёлый снаряд улетел бы далеко за пределы шатра.

Стрелком оказался один из телохранителей Ли Яо. В его руках покоился миниатюрный, умещавшийся в ладони самострел — опасная игрушка, которую он ухитрился пронести под одеждой мимо досмотра.

— Попробуешь привести ещё кого-нибудь из пленников — и я лично пушу твоему господину кровь, — с ледяной усмешкой процедил Ли Яо, обращаясь к перепуганному советнику.

Тот едва не взвыл от досады. Впуская четверых чужаков в лагерь, варвары были уверены в своём превосходстве. Цзиньцы сдали оружие, в шатре их ждала дюжина отборных рубак Хуха, а в глубине лагеря томились заложники — старик Чжэн со своими людьми. Казалось бы, козыри на руках.

Но безупречный, на их взгляд, план рассыпался в прах за одно мгновение. Ли Яо попросту перевернул игровую доску.

— Волею Его Величества императора Великой Цзинь, правителю Хуха, Даньмуцзи, надлежит незамедлительно проследовать со мной в столицу Еян для вступления в должность полковника Хуха. Выступаем прямо сейчас, — ровным, не терпящим возражений голосом объявил Ли Яо.

Острое лезвие надавило сильнее, оставив на смуглой коже Даньмуцзи тонкий алый след.

Стоило Ли Яо шевельнуть пальцем, и вождь отправился бы на тот свет держать ответ перед предками.

— Но как же...

Многомудрый советник и оробевшие военачальники растерянно переглянулись. Вся их бывшая спесь мигом испарилась.

— Должность полковника Хуха всегда принадлежала моему старшему брату! — прохрипел Даньмуцзи, стараясь не шевелить шеей. — С какой стати я должен занять его место?

— Об этом мы позаботились заранее, — хищно оскалился Ли Яо и подал знак второму телохранителю. Тот кивнул и медленно снял глухой шлем.

Перед ними предстал немолодой мужчина с тронутыми сединой волосами. Его черты лица — разрез глаз, форма бровей — имели поразительное сходство с обликом самого Даньмуцзи. Это был его старший брат, Жилуцзи, спешно доставленный сюда прямо из императорской столицы.

От неожиданности Даньмуцзи лишился дара речи. Охваченный удушающим чувством вины, он трусливо отвёл взгляд, так и не решившись поприветствовать брата.

Жилуцзи прожил в Южной Цзинь около восьми лет. За это время он полностью перенял манеры южан, растеряв былую варварскую удаль степняка. Изысканное одеяние цзиньского книжника сидело на нём безупречно, подчёркивая благородную осанку.

Однако сейчас его лицо исказила ярость. Шагнув к младшему брату, он без лишних слов наотмашь влепил ему хлёсткую пощёчину.

Ли Яо вовремя среагировал: он молниеносно отвёл палаш в сторону, чтобы вождь, покачнувшись от удара, сам не напоролся на лезвие.

Звонкий шлепок эхом разнёсся под куполом шатра. На щеке правителя Хуха мгновенно проступил багровый след от пальцев.

— Тварь! — прорычал Жилуцзи. — Ты запер здесь императорского посланника! Ты хоть на секунду подумал, что из-за твоих безумных выходок цзиньцы казнят меня в столице?!

От сильного удара у Даньмуцзи зазвенело в ушах. Он сплюнул на землю кровь. Но вместе с этой кровью, казалось, испарился и весь его страх. Вперив яростный взгляд в брата, он процедил сквозь зубы:

— Ах вот оно что... Решил под шумок сам усесться на мой трон?

Жилуцзи промолчал, лишь сильнее сжав кулаки.

И вдруг Даньмуцзи во весь голос завопил:

— Это не мой брат! Господин Ли, вас нагло обманули! Это самозванец! — Повернувшись к своим военачальникам, он неистово взревел: — Взять этого проходимца! Не позволяйте ему вешать лапшу на уши цзиньскому посланнику!

<http://bllate.org/book/18368/1760227>